

**КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕМЕН В ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИСТОРИИ ПО ТРУДАМ А.П.КАЖДАНА.
*К 75-летию со дня рождения ученого***

Встреча с работами Александра Петровича Каждана каждый раз наводит на одну мысль: несмотря на неумолимое течение времени, на изменение автором места жительства и соответственно внешней языковой формы его сочинений, несмотря на соавторства, его "американский" период жизни, а также трансформацию методологии и проблематики исследований, - это по-прежнему встреча с особым "каждановским" стилем.

"Каждановский" стиль - это не только оригинальность представленных взглядов, но и прежде всего подкупающая логика интересного повествования; упругость слова и высота мысли одновременно с широким видением проблем; естественность и простота в сочетании с некоторой изысканностью стилистики, а также многое другое, что не так легко сформулировать. Особенности "каждановского" стиля сразу же привлекают внимание читателя. Первое, с чем столкнулся неискушенный взор автора этой статьи еще в студенческие годы, - работы А.П.Каждана было интересно читать. Ориентация на пробужденный интерес привела к открытию самой сокровищницы исследований ученого, за которой скрывалась и интеллектуальная виртуозность, и творческий труд мастера-профессионала, и, конечно, нелегкий жизненный опыт.

А.П.Каждан родился 3 сентября 1922 г. Высшее образование он получил после двухлетнего очного (1939 - 1941) и трехлетнего заочного (1941 - 1944) обучения на историческом факультете Московского университета. В 1944 - 1946 гг. Александр Петрович сделал свои первые шаги в науке, будучи аспирантом кафедры истории средних веков МГУ, одновременно сочетая свои научные изыскания с преподавательской работой в Саранской заочной ВПШ и в Саранском пединституте (лето, 1945, 1946 г.). В 1946 г. он успешно завершил обучение в аспирантуре под руководством доктора исторических наук, профессора Е.А.Косминского, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме "Крестьянская собственность и формы феодальной зависимости в поздней Византии".

Научная карьера А.П.Каждана полностью повторила все перипетии истории советского государства в послевоенное время. Трехлетняя работа (1946 - 1949) преподавателем Ивановского пединститута закончилась с началом антисемитской кампании, проводимой под видом борьбы против космополитизма. Следующая попытка (1949 - 1952) утвердиться в преподавательском штате Тульского пединститута была

также безуспешной, несмотря на публикацию монографии "Аграрные отношения в Византии в XIII - XIV вв." [1 (23)]. Небольшая пауза (1952 - 1953) в официальной карьере А.П.Каждана [2], как он считает, пошла только на пользу его самостоятельным научным изысканиям, так как к моменту смерти Сталина и поступления в пединститут Великих Лук (1953) им в основном уже была написана докторская диссертация, официально защищенная только в 1961 г.

В 1956 г. А.П.Каждана приняли в качестве младшего научного сотрудника в сектор византиноведения Института истории АН СССР. Далее он в своей официальной карьере повторил все закономерные этапы становления и признания советского ученого: старший научный сотрудник, доктор исторических наук - вплоть до второй половины 70-х гг. и периода реинкарнации отдельных идеологических "изысков" сталинской эпохи. После отъезда за границу сына Александра Петровича судьба самого ученого была предreshена. В 1978 г. вынужденная эмиграция А.П.Каждана ознаменовала один из этапов необратимой "утечки мозгов", с небывалым размахом развернувшейся в наши дни. После трех лет (1978 - 1980) преподавательской работы в Европе - Коллеж де Франс - А.Каждан получил приглашение в качестве старшего научного сотрудника в исследовательский центр византиноведения - в Думбартон Оукс в Вашингтоне, где благополучно пребывает и по сей день.

Перу А.П.Каждана принадлежит около 700 работ, из них более 200 написаны уже после его отъезда. Ученый занимался многими проблемами: начиная с традиционных, определяемых рамками марксистско-ленинской истории формаций, заканчивая самыми современными - из арсенала западной историографии и эпистемологии; но если бросить на творчество А.П. Каждана ретроспективный взгляд (в связи с юбилейной датой), то можно наметить одну из основных, концептуальных проблем - проблему перемен в истории Византии. Образ неподвижной, застывшей Византии долгое время довлел над учеными. Инерция эмоционально тяжелого представления об империи до сих пор влияет даже на высокообразованную публику, интересующуюся в основном интригами и иконами. Тем труднее и ценнее кажется задача, которую поставил перед собой ученый, - отказаться от статичности и неизменности и, таким образом, от упрощения истории Византии, поставить акцент на изменениях как символе сложности, вариативности и многовекторности развития империи. Видение этой проблемы пришло не сразу, многие решаемые вопросы оказались тупиковыми (как, напр., развитие капиталистических отношений в поздней Византии).

Первым шагом в реализации этой задачи стала докторская диссертация А.П.Каждана "Деревня и город в Византии (IX - X вв.). Очерки по истории византийского феодализма" (65), где тщательнейшему историческому анализу были подвергнуты обе стороны экономической жизни Византии - и аграрная история, и судьба византийского города.

В отношении второго феномена социально-экономической жизни империи ученый еще в 50-е гг. высказывал абсолютно еретичные мыс-

ли, вызвавшие бурную критику и советских, и зарубежных коллег. На основе массового археологического материала, преимущественно нумизматического характера, А.Каждан выдвинул тезис о кризисе в жизни византийского города VII в., в результате которого большинство городов Балканского полуострова и Малой Азии прекратили свое существование ("Византийские города в VII - XI веках" (40)). Упадок ряда отраслей произошёл и в оставшихся крупных центрах - Константинополе, Фессалониках, Эфесе [3].

Суть этого упадка, а также последовавшего за ним периода "темных веков" (VIII - IX вв.) Каждан определял как трансформацию социальной жизни, переход от античности к средневековью (от рабовладения к феодализму - в рамках формационной терминологии), отстаивая, таким образом, наличие сущностной цезуры в развитии византийского города. Острая и длительная полемика с М.Я.Сюзюмовым, разработавшим теорию перестройки византийского города в феодальный без потери им сложной многофункциональности, унаследованной от античности и обеспечившей его непрерывное существование, выявила теоретическое расхождение обеих сторон в определении термина "город", его функциональной сущности [4].

В 50-е гг. А.Каждан рассматривал город прежде всего как центр ремесла. Именно это значение он вложил и в свою концепцию возрождения и расцвета византийского города в X - XII вв. в новых феодальных условиях [5], более раннего в Константинополе (конец IX в.) в связи с потребностями императорского двора и армии (определяющее влияние государства на всю экономику), более позднего - в провинции (X - XII вв.). Из этих двух волн большее значение ученый придавал второй, совпадающей с подъемом феодализирующегося сельского хозяйства в провинции. Охарактеризовав эпоху Комнинов как период нарастания феодальных тенденций в экономике Византии, Каждан, таким образом, высказался за внутренний, а не привнесенный извне крестоносцами характер византийского феодализма. В целом 50-е гг. явились плодотворным периодом для исследовательской активности А.П.Каждана, несмотря на явную обусловленность его научных разработок идеологическими предрассудками.

60-е гг. по-особому повлияли на развитие творческого пути ученого. Общественный подъем, связанный с освобождением от холодной логики развращенных насилием идеологизмов, изменил судьбу исторической науки и особенно медиевистики. "Переоткрытие мира" - и своего, и византийского - произошло в 1964 г., соотнесение своей позиции как ученого с изменением внешних обстоятельств вылилось буквально в откровение - новую статью "Загадка Комнинов: (Опыт историографии)" (78).

Во всех существующих пособиях по историографии [6] Византии содержание этой статьи рассматривается в рамках прежней авторской концепции упадка византийского города в VII - IX вв. и подъема феодальной экономики в эпоху Комнинов. Главная же ценность этой статьи

не в том, что в ней написано, а в том, что в ней не дописано, но диктуется логикой повествования. Взяв одну из интереснейших проблем византийской истории, обозначенную в заголовке статьи, исследователь рассмотрел трактовку этой "загадки" на протяжении всего существования византийской историографии, за исключением, конечно, "известного" периода. Вывод был прост, но явно нелицеприятен: историки во все времена своей трактовкой событий прошлого пытались достичь определенных политических, идеологических, религиозных или других целей, грубо искажая правду.

В этой статье Каждан отверг и противоположный образ - историка-позитивиста, работающего в башне из слоновой кости так называемой научной независимости и собирающего факты о прошлом только для поиска истины. Где же выход? Где научная истина? Как и какими методами постичь события, происшедшие когда-то очень давно с людьми, оставившими после себя слишком мало, чтобы с точностью до буквы судить об этом?

Эти или другие вопросы задавал себе ученый, не столь важно. Гораздо важнее для Каждана и его коллег был процесс поиска новых подходов, критериев в целом, перспектив исторического познания, обозначившийся в гуманитарных науках на волне "оттепели" 60-х гг. Нам, к сожалению, не известно, когда именно А.П.Каждан познакомился с методологическим (культурологическим) наследием "Анналов", но неоспоримым является факт кардинального изменения исследовательской проблематики ученого именно под влиянием этой школы.

Духовная история Византии - литература, философия, искусство, право, психология - начала все больше привлекать внимание ученого, отныне посвятившего свое научное творчество истории конкретных людей, их верований и взаимоотношений.

Конечно, опыт западноевропейской медиевистики, сочетавшей в лице ее представителей глубину традиционного историко-филологического анализа с современными приемами исследований, был бы не так плодотворно применен ученым на пути "к человеку", если бы не общественная ситуация тех лет. Я.Н. Любарский, характеризующий общественную позицию Каждана, напоминает нам, что в 60-е гг. он был одним из активных авторов "Нового мира" периода Александра Твардовского. Искусно владея техникой "неконтролируемого подтекста", на материале Древнего Рима и Византии, через Суллу и Плутарха он говорил то, чего нельзя было сказать об окружающей действительности [7]. Его главным интересом являлись, однако, не прямые аллюзии на реальность, а проблемы поведения и реакции человека в условиях тоталитарного и авторитарного обществ, для исследования которых византийская цивилизация, естественно, представляла собой идеальную область. Парадоксальное и вместе с тем плодотворное пересечение общественной потребности и академического интереса дало историку импульс, приведший к созданию своеобразной модели византийской культуры [8].

Формирование "мышления в рамках культуры" происходило у Каждана параллельно с влиянием "революционной" книги Герберта Хунгера "Reich der Neuen Mitte", опубликованной в 1965 г. [9]. Ее автор впервые в византиноведении отказался от энтомологического подхода - раздробления истории как науки на обособленные и достаточно произвольно подобранные секторы (быт, право, политика, наука, литература и т.п.), каждый из которых считался существующим отдельно, без реальной связи с близкими культурными звеньями. Феномен византийской культуры предстал в изображении ученого как сложно организованная во времени структурная целостность, как система отношений между человеком и миром; система, с одной стороны, регламентирующая поведение человека, а с другой, - определяющая то, как он воспринимает и моделирует мир [10].

В библиографии работ А.П.Каждана небольшая книга "Византийская культура X - XII вв." (96), претендующая скорее на частный характер, стала тем решающим шагом, который продвинул ученого далеко вперед от многих его коллег и, вполне возможно, предопределил и будущие исследовательские успехи, и будущие разочарования в официальной градации советского византиноведения. Конечно, было и признание в советской науке ("Социальный состав господствующего класса Византии в X - XII вв." (112), публикация множества источников с профессиональными комментариями, участие в составе советских делегаций на международных исторических и византиноведческих форумах, но оно не касалось тех работ, которые не вписывались в традиционный марксистско-ленинский круг, исследовательские находки и концептуальные обобщения А.П.Каждана (последний удар - отказ в публикации в "Византийском временнике" статьи о континуитете и дисконтинуитете [11]). Обретя сторонников и союзников по исследовательским принципам за рубежом - А.Гийу, Х.-Г.Бек, К.Манго, - ученый оказался одинок в научной среде своей страны. Это не мешало ему, однако, в каждой из своих последующих работ последовательно (хотя и не без осторожности) отстаивать свои взгляды и идеи (теперь уже без необходимого цитатничества), вылившиеся, в конце концов, в целостную картину истории византийской цивилизации. К сожалению, обобщение многолетних трудов ученого произошло уже за рубежом [12], хотя многие компоненты каждановской модели византийской цивилизации известны нам из его доэмиграционных публикаций.

В историографии Византии лишь несколько имен претендуют на концептуальное обобщение истории Восточно-Римской империи. Среди них "отец" русской византистики В.Г.Васильевский, югославский исследователь Г.Острогорский, нынешний глава Венского института византистики Г.Хунгер и основатель Свердловского центра византиноведения М.Я.Сюзюмов. Этот перечень можно продолжить, но, несомненно, положение А.П.Каждана всегда будет отличаться от других не только из-за оригинальности концепции и нетривиальности исследовательских методик, но и вследствие его уникального преимущества

(которым, кстати, он успешно пользуется) - блестящего знания и западной, и русской, и советской школ византиноведения, что позволяет ему смотреть на византийские исследования как извне, так и изнутри.

Концепция А.Каждана даже имеет название - *Homo byzantinus* - "человек византийский" - это некая усредненная обобщенно абстрагированная единица социокультурного облика Византии.

Этот термин с легкой руки ученого стал популярен и органично вошел в систему понятий византинистов, хотя его трактовке на советско-русской почве отчасти присущи поверхностность и декларативность. Именно *Homo byzantinus* представляется Каждану фокусом такого культурно-исторического феномена, как "византизм". Анализ *Homo byzantinus* выдвинут в центр изложения материала фундаментальных "американских" работ ученого.

Исследование проведено в разных направлениях: сопоставление византийской культуры не только по вертикали - с предшествующей ей античностью, но и по горизонтали - с культурами-современниками (средневековым западным и мусульманским миром). Специфика "базисной личности" византийской культуры определяется ученым как "индивидуализм без свободы" (еще одна верифицированная аналитическая находка А.Каждана). В СССР этот термин не выдвигался, хотя объективно исследователь обращал на него внимание. В США прижился только "индивидуализм" в связи с абсолютной несочетаемостью этих двух дефиниций для американского мировидения. Более толерантным с этой позиции будет, очевидно, термин "атомизация". Условность научных терминов и понятий, к счастью, не отвлечет нас от оригинальности созданной А.Кажданом концепции истории византийской цивилизации.

Периодизация византийской истории, представленная А.П.Кажданом, достаточно традиционна, а в трактовке отдельных периодов пересекается с исследованиями многих советских (М.Я.Сюсюмов, Г.Л.Курбатов) и зарубежных (П.Лемерль, Г.Острогорский, Х.-Г.Бек) авторов. Сам ученый настойчиво подчеркивает условность в соответствии дат событийной истории и динамики цивилизационных факторов [13], а также пользуется весьма размытыми или описательными дефинициями в названии периодов, чем, очевидно, пытается подчеркнуть полиморфизм социокультурного исследования.

Приводим далее периодизацию А.П.Каждана в отношении византийской истории.

I период. IV - VII вв. - "протовизантийский", позднеантичный [14]:

- господство позднеантичной социокультурной парадигмы, в основе которой лежал полис (муниципий) с присущими ему формами собственности, социальными связями, культурной деятельностью и повседневной жизнью;

- постепенный процесс нарастания изменений в старом социокультурном обмене по причинам, неясным для исследователя

(варварское расселение на окраинах империи и марксистскую замену старого способа производства новым Каждан не считает убедительными [15]);

- проявление характера изменений во всеобъемлющем кризисе и упадке городской цивилизации на Балканах и в Малой Азии в начале VII в. (слабо затронул такие крупные центры, как Константинополь, Эфес, Фессалоники).

II период. VII - VIII вв. - переустройство империи [16]:

- раздробление и расщепление старой позднеантичной структуры социальных связей (преимущественно на периферии империи, гораздо в большей степени, чем на Западе);

- параллельное сохранение старых социополитических и административных традиций поздней античности в Константинополе;

- в связи с краткостью временного промежутка - отсутствие достаточно устойчивых эмбриональных форм новых социальных связей (появившихся в Западной Европе только в XI в.);

- углубление процесса "отчуждения" (alienation) и, как следствие, высшая степень индивидуализации и атомизации византийского общества.

III период. IX - X вв. - реконсолидация империи [17]:

- под влиянием мусульманской угрозы с востока сплочение социально-политических институтов поздней античности, выживших в период "темных веков" (автократия и столичная бюрократия), и их инициатива в процессе возрождения государства;

- первоначально интеллектуальное (монашеское) возрождение "под знаменами" позднеантичной культурной традиции, преимущественно политического и идеологического содержания;

- параллельно - иконоборчество, главная цель которого определяется Кажданом как борьба с античным социальным "налетом" в церкви, и в соответствии с идеями классической автократии - нарушение симфонии церкви и государства в сторону подчинения первой;

- систематизация и подчинение государством всех сторон жизни византийского общества на основе отсутствия прочных социальных связей, трансформация автократии из политического факта в социальный;

- параллельно всем вышеперечисленным процессам - вызревание и рост новых социальных сил в провинции, преимущественно феодального характера.

IV период. XI - XII вв. - децентрализация и "феодализация" [18] империи [19]:

- социальноэкономическое развитие в рамках всеобщей эволюции средневекового мира (процветание феодализирующейся экономики преимущественно на Балканах и укрепление социальных и политических позиций новой феодализирующейся провинциальной знати);

- предренессанс византийской культуры - десакрализация и рационализация, конкретизация и натурализация как его основные составляющие;

- столкновение новой и старой социополитических парадигм за явным преимуществом второй и, как следствие, проигрыш ее в военном и в социокультурном соревновании с Западом (захват Константинополя в 1204 г. крестоносцами).

V период. 1204 - 1261 гг. - феодальная раздробленность. Этот период "прошел мимо" пристального взгляда А.Каждана. Он отмечает лишь возрождение социокультурной парадигмы эпохи Комнинов в некоторых княжествах и в связи с этим оценивает политическое возрождение империи 1261 г. как "гибельный успех" возврата к политике великой мощи, для которой не хватало ни человеческих, ни материальных ресурсов.

VI период. 1261-1453 гг. - угасание автократии, характеризующейся ученым как уникальный симбиоз новых феодальных отношений в деревне, экономической, социальной и политической слабости городов и внешнеполитической угрозы. Социополитический потенциал автократии исчерпал себя.

Краткий и весьма схематизированный обзор представлений А.Каждана об истории византийской цивилизации имел целью систематизацию взглядов ученого и выявление характеристик, в эпистемологическом плане отличающих их от концепций других исследователей. Совершенно очевидно, что наряду с принципом основного и решающего в создании представленной модели присутствовали еще по крайней мере три принципа: изменчивость и развитие в отличие общепризнанного консерватизма, внутренняя противоречивость, или амбивалентность, в отличие от марксистской магистральности формаций, и, наконец, отсутствие окончательных "приговоров", в отличие от той же марксистской, "единственно верной теории". Предметом данного историографического анализа является первый из вышеперечисленных принципов, более конкретно его применение в построении модели византийской цивилизации А.Кажданом.

Как видно по периодизации, изменения в истории Византии имели место на втором и четвертом этапах, в то время как усилия византийской автократии в подчинении или переподчинении византийского общества на III и VI периодах, скорее всего, можно определить как приспособление. Тут же напрашивается вопрос о том, что понимает сам автор концепции под термином "изменения". Очевидно, что в том и другом случаях - это направленная трансформация. И если в первом она имеет аутентичную внутреннюю основу, то во втором - это всего лишь внешнее принуждение. Также очевидно, что в первом случае имеется в виду социокультурная основа (в связи с методологическим пристрастием исследователя к "Анналам"), а во втором - искусственные изобретения "политической надстройки". Внимание византинистов к огромному различию между качественными (структурными) изменениями и поверх-

ностными переменами привлек немецкий ученый Гюнтер Вайс [20]. Дав определение понятию "изменение" как "трансформации сущностных форм и функций социальных отношений", он также логически разделил изменения по значимости воздействия на структуру в целом: сохранение структуры и в единственном аспекте человеческой деятельности, и во всей общественной системе (континуитет); изменения в структуре (дисконтинуитет); изменения, не имеющие качественной значимости и воздействующие только на определенные внешние признаки, в то время как структура остается прежней [21].

За методологической разработкой у Г.Вайса последовал вывод: Византия на протяжении своего тысячелетнего существования не подвергалась серьезным структурным изменениям. Это признание не прозвучало революционно на фоне веками признаваемой широкой публикой и значительным числом ученых-профессионалов неизменности и консерватизма Восточно-Римской империи. Тем более ценны и знаменательны для нас разработки А.П.Каждана, который, используя теоретические выкладки Г.Вайса, кажется, нашел отправную точку разногласий в давнем споре "дисконтинуитетчиков" и "континуитетчиков" [22].

Прежде всего он отметил основную трудность проблемы - глубокое проникновение идеи преемственности в самосознание византийцев, ощущавших себя последователями и библейского, и римского прошлого [23]. Сознательное "удревнение" языка источников, естественно, не соответствующее новым реалиям, превращает исследователя в виртуоза, "интеллектуального Шерлока Холмса", которому за терминами римского права приходится искать не только новые формы и отношения, но также и их изменения. Кажется, что исследователю такого профессионального уровня и таких кругов обобщений все равно не обойтись без "натяжек". Но сам ученый оставляет позади все подозрения, открыто признавая ценность эмоционального и интуитивного подходов в исследовательской деятельности вслед за Х.-Г.Беком [24].

Вывод, к которому приходит А.Каждан после тщательного историографического исследования проблемы континуитета, дисконтинуитета, предопределен в наш век компромиссов; в этом споре победителей нет и не будет. "Континуитетчики", по мнению ученого, больше придерживаются анализа преемственности внешних признаков, "дисконтинуитетчики" склонны к исследованию внутренних явлений структуры. Истоки византийской цивилизации в основном уже общепризнаны: греческая античность (книжность, образованность), римская античность (государство и право), эллинизм (христианство как идеология). Спор сужается до рамок византийского города. Понимая Византию преимущественно как городскую цивилизацию, "континуитетчики" (М.Я.Сюзюмов) ссылаются прежде всего на трансляцию функций города (чаще всего одного - Константинополя), но не его социальной структуры. Эта характеристика с помощью теоретической разработки Г.Вайса относится Кажданом к внешнему признаку структуры.

Решение проблемы А.Каждан видит в сравнительном анализе трансформации Византии с тем же процессом в Западной Европе, из-за чего его порой называют среди российских коллег "западником" (с аллегорическим намеком на давние общественно-политические пристрастия). Здесь, наверное, важно и то, что в единстве истоков Византии и Западной Европы сомневаться не приходится, и то, что выводы, сделанные на компаративистике с Западной Европой, подтверждаются и в сравнении с мусульманским миром.

Еще один важный аспект, специально оговариваемый автором концепции: определение точки трансформации во временном промежутке. Исходя из длительности и неодновременности социокультурных процессов, фиксация изменения, с точки зрения ученого, возможна "в тот момент, когда отдельные процессы уже осуществились и внедрены в общество, но не в тот момент, когда показались их ростки" [25]. Именно поэтому судить о том, что произошло в период IV - VII вв., следует на материале VIII - IX вв. В этом плане интересен пленарный доклад А.Каждана "Микроструктуры в Византии VIII - IX вв. " (561) на XVIII Международном конгрессе византинистов в августе 1991 г. в Москве. Обобщив и продолжив свои доэмиграционные разработки [26], ученый помимо интересного определения социальной структуры как "совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях", провел исследование в рамках новой методики - анализа малых социальных групп (община, семья, монастырь, цирковые партии и т.п.) и поиска некоего инварианта, пронизывающего и объединяющего их. Этим инвариантом в сравнении с позднеримским городским образом жизни и западноевропейской системой корпоративных и вассально-ленных отношений является для ученого "индивидуализм без свободы". Данным термином А.П.Каждан подчеркивает не только отличие его от ренессансного и современного понимания индивидуального поведения, но и наличие двух параллельных процессов изменений в социальной структуре поздней античности: атомизации общественных отношений и отчуждения человека от власти. В данном случае ценно общетеоретическое наблюдение ученого: закономерная опасность появления авторитарных форм власти во времена социокультурных сдвигов, "разрыхления" общества, а также живучесть автократических традиций и их "результативная действенность" в решении сиюминутных проблем государства (чаще всего - внешнеполитической угрозы).

На материале Византии это - трансляция автократических традиций диоклетиановской эпохи (кризис III в.) в период правления Юстиниана I (кризис конца VI - VII в.). При этом А.Каждан намечает основные этапы эволюции византийской автократии: III - VII вв. - автократия как политический фактор, средство выживания в кризисе (термин "господство" - "supremacy"); VII - XII вв. - автократия как социально-функционирующий феномен; XII - XV вв. - "феодализованная" автократия, лишенная универсализма [27]. Рассмотрение традиционного аргумента "континуитетчиков" византийской автократии в динамике - это важное предостереже-

ние ученого от абсолютизации, будь-то континуитет, будь-то дисконтинуитет. Следует отметить и продолжить рассуждения еще по одному вопросу, поставленному в работах А.Каждана: соотношение социокультурных изменений с политическими в период перехода от античности к средневековью. Можно ли факт реинкарнации автократии в восточной части Римской империи относить к преимущественно внутренней направленности разрушений, глубоко проникших в позднеантичную социокультурную парадигму, но не тронувших ее внешних форм, традиций и символов (сохранение Константинополя - один из главных) политической организации? Можно ли в таком случае наметить типологические отличия эволюции Западной Европы следующим образом: на фоне максимальной степени разрушенности (наложение двух направлений - внутреннего социокультурного и внешнего политического) долгий и постепенный процесс становления прежде новой социокультурной парадигмы (феодальная раздробленность) и, во вторую очередь, обложения ее в новые политические формы (централизованное государство)? Значит ли это, что факт исчезновения византийской цивилизации мы можем объяснить так и не установившимся соответствием зародившейся новой (все-таки вырвавшейся в Византии) социокультурной парадигмы старой автократичной форме социополитического организма, ритмы развития которого отставали от реалий исторического процесса?

Картина изменений в византийской истории, представленная А.Кажданом, была бы неполной, если бы он остановился только на проблеме трансформации позднеримской империи в византийскую, т. е. на характеристике второго периода - эпохи кризиса VII - VIII вв.. Искушенный читатель уже наверняка отметил, что в описании ученого характер изменений этого времени носил в основном разрушительный характер. Логика диалектического мышления привела А.Каждана к исследованию и созидательной стороны кризиса VII - VIII вв., основные проявления которой он относит к четвертому периоду византийской истории - эпохе Комнинов (XI - XII вв.). Длительность "непроявления" этих созидательных перемен исследователь объясняет сковывающим влиянием все той же византийской автократии на все стороны жизни империи. Кроме того, здесь действует и естественный закон исторического развития: разрушать проще и быстрее, нежели созидать (особенно в применении к сложности и медлительности рождения новой социокультурной парадигмы). Сложность этого процесса заключается прежде всего в неравномерности ритмов развития разных сторон жизни общества. Тем не менее А.Каждан считает возможным внезапное схождение разноточных кривых, составляющих социокультурный облик той или иной цивилизации, в один пучок, когда происходит не только появление новых реальностей, но и осознание этого появления людьми. Таков и "узел" византийской истории XI - XII вв.

В анализе трактовки этого "узла" А.Кажданом следует сравнить ее с исследованиями представителя "Анналов" Жака Ле Гоффа того же периода западноевропейской истории [28]. Оценка социокультурных из-

менений Запада и Византии этой эпохи идентична у обоих ученых, за исключением более основательной аргументации у французского. Жак Ле Гофф связывает новизну социокультурного круга Западной Европы с развитием городов и низведением высших небесных ценностей на бренную землю [29]. Конечно, эта тенденция не могла сразу полностью развиться после XII в.; ее путь продолжался вплоть до XIX в. В Византии, как мы видим из исследований Каждана, кривая развития этой тенденции еще более сложна, подвержена стойкому давлению авторитарной традиции и обрывается в 1261 г.

Составляющие решающего поворота истории Запада находятся в тесной взаимосвязи: демографический рост и экономический подъем как в деревне, так и в городе; коммунальное движение и генезис современного государства; новая волна христианизации и расцвет искусства. В Византии же, по мнению Александра Каждана, трудно однозначно оценить разные сферы жизнедеятельности общества, а тем более взаимодействие между ними. Но все же такая попытка была предпринята ученым. Достойны уважения та кропотливая исследовательская работа, тот поиск недостающих свидетельств во всех областях жизни общества, которые были предприняты ученым для подтверждения своих основных выводов. Александру Каждану удалось не только проследить конкретные этапы и шаги этой тенденции, но и оценить все допустимые возможности ее дальнейшего развития.

В области хозяйственной и политической эта тенденция децентрализации проявилась в экономическом росте провинциальных городов и социо - политическом укреплении новой элиты - провинциальной знати. В области политической страна на этом этапе своей истории была вынуждена расстаться с иллюзией своей уникальности и неповторимости в Европе и основанной на ней политикой блестящей изоляции. Активные дипломатические и экономические контакты с другими странами с необходимостью влекли за собой культурное взаимопроникновение. Этот период оценивается ученым как время подъема образованности и роста научных знаний. Конечно, наука по преимуществу оставалась еще книжной, но накопление знаний сделало шаг вперед: подготавливался тот опыт, который затем Византия передаст европейскому Ренессансу.

Совершенно очевидно, что подобные перемены не могли не затронуть область духовной жизни византийцев и особенно их мировосприятие. Как явствует из исследований ученого, рядом с традиционной ментальностью в это время зарождалась и развивалась новая система восприятия мира, особенно в городах, где эволюция происходила быстрее. Основные составляющие измененной системы ценностных ориентаций византийцев изложены А.Кажданом в коллективной монографии "Changes in byzantine culture in the XI and the XII centuries" [30 (628)], где анализ элементов новой социокультурной парадигмы сопровождается периодическими предостережениями автора об их абсолютизации и напоминанием о доминирующей роли традиционного мировоззрения. Наиболее характерной чертой, проявившей способность к самоусилению,

ученый считает унаследованную от античности идею избранности римского народа и универсальности империи. Активизация социальных, военных и торговых контактов между Византией и соседними странами дала некоторые "подвижки" в отношении к определенному миру, но дальше заключения браков с чужими и некоторого либерализма в отношении к иностранцам в собственной стране, как считает А.П.Каждан, византийцы пойти не могли. Исследованием этой проблемы ученый показывает пример существования чисто внешней созидательной перемены, не затронувшей суть устойчивой культурной традиции.

Итак, оценивая прогрессивно и идентично тенденцию социокультурных изменений Западной Европы и Византии в X - XII вв., А.Каждан приходит к выводу о ничтожности перспектив ее развития в Восточно-Римской империи на фоне господства уже сформированного социополитического функционирующего феномена, называемого автократией.

Мы можем обнаружить с помощью Александра Каждана "разрыв между позднеримским и византийским периодами, восстановление городской жизни в новой, отчетливо средневековой форме, элементы иерархии личного господства и зависимости и даже предренессансные черты культурной жизни. Но именно средневековая автократия, основанная на индивидуалистической социальной организации, определила особый характер византийского мира и помешала его развитию по тем же направлениям, что и на Западе" [31]. В этой цитате - квинтэссенция всех представлений Александра Каждана о византийской истории. Это - реализованная возможность построения определенной модели византийской цивилизации, отличной от описываемых на сегодняшний день. Определенные черты ее социокультурного облика, политической и экономической жизни оставались неизменными, традиционными, другие следовали по зигзагообразной линии, третьи (включая некоторые из самых важных) подверглись значительному изменению. Часть изменений носила внутренний характер, глубоко проникая в социокультурные основы цивилизации, часть их лишь поверхностно затрагивала разные стороны жизни византийцев. Одни перемены несли разрушающий заряд, другие - созидющий. Некоторые из них имели специфический, "византийский" характер, другие являлись частью общеевропейской трансформации. Отдельные сдвиги легко поддаются выявлению, о других можно только догадываться.

Импульсы динамики, по мнению ученого, исходили из периферии империи: и деревня, и город в провинции первыми ощутили приход средневековья, первыми и облачились в его одежды, несмотря на противодействие центра. А центр - Константинополь - единственный город империи - оставался символом и оплотом неизменности и консерватизма. Даже Алексей I Комнин, как считает исследователь, не преуспел в своей попытке реформы жестко централизованной системы.

Сами византийцы не любили перемен и держались за славное римское прошлое в надежде самоуспокоения и создания некой иллюзии стабильности в огромном негуманном обществе средневековья. Немно-

гие исследователи избежали ловушки, подготовленной самими же объектами исследования. В этом плане исследовательская позиция А.П.Каждана представляет собой наиболее последовательный шаг в сторону, противоположную консерватизму и неизменности, как основополагающих характеристик византийской цивилизации, шаг, который привел ученого не только к всплеску творческой активности (неисчерпанной и по сей день), но и к созданию концепции византийской истории, по степени оригинальности и прочности отличной от всех, существующих на данный момент в византийской историографии. Именно этот путь рассмотрения византийской цивилизации в становлении, развитии и взаимосвязи отдельных компонентов и раскрывает новые перспективы исследования и дает новый импульс для продуктивной творческой деятельности.

Концепция перемен в византийской истории является стержнем для продуктивной научной позиции А.П.Каждана. В идее перемен заложено сопротивление имеющей большую инерцию и насчитывающей около века жизни печальной "славы" Византии - неподвижной, консервативной, обращенной к прошлому. А.П.Каждан видит Византию новым взглядом.

1. Здесь и далее номера работ, а также их выходные данные указаны по библиографии работ А.П.Каждана, опубликованной: DOP. 1992. Т. 46.
2. Сведения из письма А.П.Каждана автору статьи от 08.05.92 г.
3. **Каждан А.П.** Деревня и город в Византии IX-X веков. М., 1961. С. 190-230.
4. **Сюзюмов М.Я.** Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе// СВ. 1968. Т.31. С. 78; **Kazhdan A., Constable G.** People and Power In Byzantium. Wash., 1982. P.12-15.
5. **Каждан А.П.** Деревня и город... С. 231-241.
6. **Удальцова З.В.** Советское византиноведение за 50 лет. М., 1966; **Курбатов Г.Л.** История Византии: Историография. Л., 1975.
7. **Любарский Я.Н.** Византийская цивилизация непредубежденным взглядом// ВИ. 1990. № 3. С. 176.
8. **Любарский Я.Н.** Византийская цивилизация... С. 178.
9. **Kazhdan A.** Introduzione all edizione italiana: Bisansio e la sua civiltà. Milano, 1982. P. 8.
10. **Ястребицкая А.Л.** Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике// Одиссей. 1991. С. 85.
11. Впоследствии статья была опубликована в соавторстве: **Kazhdan A., Cutler A.** Continuity and Discontinuity in Byzantine History// Byz. 1982. Т. 52. С. 429-78.
12. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit; **Kazhdan A., Epstein A.** Change in Byzantine Culture in XI - XII Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
13. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P.127; **Kazhdan A., Epstein A.** Op.cit. P. 2.
14. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P. 123-133.
15. **Kazhdan A.** Introduzione all edizione italiana. P. 12-13.
16. Ibid. P. 133-136; **Kazhdan A., Epstein A.** Op.cit. P. 1-10.
17. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P. 124.
18. Заклячая этот термин в кавычки, ученый, возможно, стремится подчеркнуть условность и спорность его в историографии: Ibid. P. 6 -7, 119 -120.
19. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P. 136-139; **Kazhdan A., Epstein A.** Op.cit. P. 24-73.

20. **Weiss G.** Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschafts structur// Historische Zeitschrift. 1977. Nr. 224.
21. **Weiss G.** Antike und Byzanz ... P. 530.
22. Историографический обзор проблемы см.: **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P. 118 -121;
23. Ibid. P. 120-121; **Kazhdan A., Cutler A.** Op.cit. P. 470.
24. **Kazhdan A., Cutler A.** Op.cit. P. 433.
25. Ibid. P. 259.
26. **Каждан А.П., Чичуров И.С.** О структуре византийского общества VII - IX веков// ВО. 1977. С. 119-124.
27. **Kazhdan A., Cutler A.** Op.cit. P. 275.
28. **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада. М., 1991.
29. **Ле Гофф Ж.** С небес на землю: (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII - XIII вв.)// Одиссей. 1991.С. 28-29.
30. **Kazhdan A., Epstein A.** Op.cit. P. 3-6.
31. **Kazhdan A., Constable G.** Op.cit. P.139.